

КИРА КОСМОС

*Когда жизнь
выбрасывает
на обочину —
пора выбирать
новый путь!*

ОТ ПИТЕРСКИХ
ДОЖДЕЙ —
К СЕРДЦУ
УРАЛА

РОМАН
О СИЛЕ ДУХА,
О ДРУЖБЕ
И НОВЫХ
НАЧАЛАХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЕКАТЕРИНБУРГ

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЛАН

- ☒ Выжить
- ☒ Вдохнуть
- ☒ Забыть мир

ВСЁ
БУДЕТ
КОСМОС

Инвентаризация УРАЛЬСКИХ НЕДР!

КИРА
КОСМОС

ИНОГДА, ЧТОБЫ НАЙТИ СЕБЯ,

Алексей Фадеев
Кира Космос - Инвентаризация
Уральских недр.

<https://litres.ru/74232183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная пятница товароведа Киры из Санкт-Петербурга превратилась в полный ад: повесили чужую недостачу, уволили, а бывший сбежал, захватив карту и... электрический чайник! Потеряв всё, Кира едет в Екатеринбург и совершает роковую ошибку — подмигивает в музее древнейшему Шигирскому идолу.

Секунда — и вместо Екатеринбурга она летит в первобытную тайгу прямо в белых кроссовках! Здесь духи Недр жаждут крови, истуканы ломают деревья, а у подножия Бабки Синюшки кипит ядовитый газ. Чтобы выжить и пробить портал домой через Сердце Медной Горы, Кире придется применить всё: от дипломатии с помощью розового зеркала до стальной хватки товароведа.

Но главное — спасти Влада, хмурого девелопера-гиганта со стальными мозолями и взглядом, от которого плавится гранит. Сможет ли питерский сарказм переиграть древнюю магию Урала и Великого Полоза?

Запредельный юмор, стальная страсть, сказы в стиле ураганного фэнтези! Твой Космос меняет орбиту!

Содержание

Кира Космос - Инвентаризация Уральских недр!	5
ГЛАВА 1. Жилетка и чёрная полоса	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алексей Фадеев Кира Космос - Инвентаризация Уральских недр.

Кира Космос - Инвентаризация Уральских недр!

Дисклеймер

Все персонажи, события и организации в этой книге вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны. Образы уральского фольклора и упоминание Шигирского идола использованы исключительно в художественных целях и не претендуют на историческую достоверность. Обложка создана с помощью искусственного интеллекта. Рекомендуемый возраст: 16+.

ГЛАВА 1. Жилетка и чёрная полоса

Если вы думаете, что АД — это кипящая сера, рогатые черти и сковородки, то вы никогда не работали товароведом в магазине в центре города в пятницу вечером.

Жесть — это когда тридцать минут назад у тебя закончилась пятнадцатичасовая смена на ногах, пальцы отваливаются от сканера штрихкодов, а директор магазина, раздувая ноздри, аккуратно складывает перед тобой акт инвентаризации. И в этом акте, словно гигантский плевок в душу, сияет нехватка. Три банки элитного растворимого кофе, упаковка дорогого сыра и коньяк. Сумма — половина моей зарплаты.

— Гагарина, списания на складскую группу, — отрезала директорка, даже не подняв на меня глаз. — Или платишь из своего кармана, или пиши заявление по собственному. Без премий.

Я стояла перед ней в своей жилетке — полиэстеровой броне, пропитавшейся запахом репчатого лука, пролитого молока и чужой усталости. В горле встал комок. Горячий, колющий, обидный до слёз.

— Вы же знаете, что это не я, — тихо сказала я. Мой голос даже не дрогнул, но внутри всё рухнуло. — Камеры посмотрите. Это охранник из ночной смены вынес!

— Камеры на том ракурсе слепые, Кира. Заявление на столе.

Через десять минут я уже шагала по мокрому Невскому проспекту. Питерская морось — мелкая, липкая, зарывающаяся под воротник — била в лицо. Я сорвала с себя эту проклятую жилетку и со всей дури швырнула её в урну у Казанского собора.

Прозвище «Космос» пристало ко мне ещё со школы. Из-за фамилии, конечно. Но в последние два года оно звучало как злая ирония. В моём личном космосе не было звёзд — только открытый вакуум, который с грохотом высасывал из меня последние силы.

Мне двадцать четыре года. В моем кармане — триста сорок рублей и выпотрошенная кредитная карта с лимитом, ушедшим в глубокий минус. В моих белых, некогда любимых кроссовках на массивной подошве хлюпала питерская вода. Единственное, что удерживало меня от того, чтобы не растянуться прямо на мокром асфальте и не завывать дурниной — это привычка. Привычка сбивать любой капец иронией. Если ты смеёшься над проблемой первой, ей становится сложнее тебя сожрать.

Я зашла в крошечную кофейню в подвальчике, отдала последние деньги за большой стакан кофе на овсяном молоке и достала телефон. На дисплее висело три пропуска от Андрея. Моего парня. Точнее, теперь уже бывше-парня, хотя я ещё об этом не догадывалась.

До коммуналки на 5-й линии Васильевского острова я добралась на автопилоте. Ноги гудели так, будто по ним про-

ехался каток. Старая дубовая дверь поддавалась с привычным скрипом.

— Андрей? — позвала я, снимая промокшие кроссовки.

В ответ — тишина. Стерильная, звонкая, нехорошая тишина.

В нашей десятиметровой комнате пахло выветрившимися мужскими духами и... пустотой. Шкаф был распахнут настежь. С плечиков исчезли его кожанка и все толстовки. Со стола пропал его ноутбук. Но настоящий шок накрыл меня, когда я посмотрела на тумбочку.

Он забрал наш электрический чайник. Старый, покрытый накипью, но рабочий чайник. И мою вторую банковскую карту, которую я опрометчиво хранила в ящике с документами вместе с бумажкой, на которой был записан ПИН-код. На её баланс только утром упал мой остаток за прошлый месяц.

Телефон в руке звякнул уведомлением от банка: «Снятие наличных: 12 000 руб. Банкомат на Сенной». А следом пришло короткое сообщение в мессенджере от Андрея: «Кир, прости. Нам надо отдохнуть друг от друга. Я забрал долг за те билеты в кино. Не ищи меня».

Я опустила на голый матрас. Кофе в картонном стаканчике уже остыл, но я судорожно сжала его пальцами, чувствуя, как шершавая бумага врезается в кожу. Слез не было. Было ощущение, будто меня вывернули наизнанку, прополоскали в Неве и выбросили сушиться на питерский ветродуй.

Ни работы. Ни денег. Ни парня. Ни даже горячего чая, потому что этот урод упёр чайник!

В этот момент телефон забрил в руке так неожиданно, что я вздрогнула, чуть не пролив остатки кофе на джинсы. На экране высветилось фото Кати — моей школьной подруги, которая два года назад уехала учиться на архитектора в Екатеринбург.

— Гагарина! — громко, с треском и шумом пробился из динамика её звонкий голос. На заднем плане гудел какой-то вокзал или аэропорт. — Ты жива? Я до тебя час дозвониться не могу!

— Не уверена, — честно ответила я, прислонившись затылком к холодной ободранной стене. — Меня только что уволили из магазина, повесили недостачу, а Андрей свалил, прихватив мою карту и чайник.

На том конце провода повисла пауза. А потом Катька выдала такой отборный трехэтажный матерок, что даже мои соседи по коммуналке, наверное, вздрогнули за стеной.

— Так, Космос, слушай сюда, — отрезала она tone-of-voice ректора института. — Сгребашь свои сопли в кулак, берешь рюкзак и валишь на вокзал. У меня как раз экватор практики. Я отжала у дяди ключи от пустующей квартиры в центре Екатеринбурга. Прилетаешь или приезжаешь ко мне прямо сейчас!

— Кать, у меня на счету ноль рублей и...

— Я уже покупаю тебе билет на поезд! — перебила она.

— Плацкарт, верхняя полка, отправишься через четыре часа. Слышишь меня? Хватит ныть в своем сером Питере. Тебе нужна перезагрузка. Подышишь уральским воздухом, помотришь на наши горы, зайдём к Шигирскому идолу — он, говорят, желания исполняет, если его правильно попросить. Вправим тебе мозги!

Я посмотрела на пустой крючок, где ещё утром висела моя рабочая жилетка. На пустую тумбочку, где стоял чайник. На серый дождь за окном, превращавший Питер в размытое акварельное пятно.

Худшее, что могло со мной случиться, уже случилось. Терять мне было абсолютно нечего.

— Овсяное молоко на Урале есть? — тихо спросила я, почувствовав, как где-то глубоко под рёбрами начинает оттаивать знакомый, дерзкий огонёк.

— Найдём! И шаверму тебе местную купим — шаурмой называется, привыкай к местному сленгу! — хохотнула Катька. — Собирай рюкзак, Гагарина. Твой Космос меняет орбиту.

Я бросила телефон на матрас, поднялась и подошла к зеркалу. Из заляпанного стекла на меня смотрела блондинка с растрепанными пшенично-медовыми волосами, бледной фарфоровой кожей и рассыпанными по переносице веснушками. Мои серо-голубые глаза горели злым, азартным огнем. Я прикусила нижнюю пухлую губу, покрытую привычным вишневым бальзамом, и подмигнула своему отражению.

— Ну что, Урал, — шепнула я, стирая с щеки каплю дождя. — Держись. Товаровед Гагарина едет на инвентаризацию.

Поезд «Санкт-Петербург — Екатеринбург» мчал меня на восток через всю страну. Почти двое суток под стук колёс, запах растворимого лапшичного бульона и липкого чая из подстаканников. Я спала, смотрела в окно на бесконечную зеленую стену тайги и пыталась выбросить из головы мысли о долгах, Андрее и сломанной жизни.

Екатеринбург встретил меня слепящим, не по-питерски агрессивным июльским солнцем и запахом разогретого асфальта.

Катка налетела на меня прямо у вагона — ураган из рыжих кудрей, джинсовой куртки и аромата каких-то пряных духов. Она сжала меня в объятиях так, что хрустнули рёбра.

— Ну ты и бледная, Гагарина! Настоящая поганка питерская! — запричитала она, таща мой рюкзак к такси. — Ничего, сейчас мы тебя выгуляем. Начнем с Плотинки — посидим у Исети, посмотрим на старый железоделательный завод Демидовых, потом пойдём гулять по Красной линии. Пройдёмся мимо Дома Севастьянова — он у нас красивее вашего Зимнего дворца, гарантирую!

Зайдем на Вайнера, нашу местную пешеходку, захватим там уральских перепечей и кофе. Если ноги не отвалятся — сгоняем на смотровую площадки Высоцкого, посмотришь на весь Екатеринбург с полтысячи метров. А потом рванем на

Чертово Городище и к Азов-горе — покажешь ты мне свою питерскую выдержку на наших скалах!

А к вечеру, когда спадет жара, доберёмся и до музея. Там в отдельном зале такой раритет стоит — Шигирский идол. Древнейшая деревянная скульптура в мире! Ему одиннадцать тысяч лет! Представляешь, сколько он дерьма видал? Твои проблемы с Андреем для него — так, пыль под ногтями.

— Кать, мне бы сначала душ и кофе... — воспротивилась я, но где там.

Уже через три часа мы шагали по солнечным улицам Екатеринбурга. Город казался мне странным: мощным, подтянутым, купеческим и технологичным одновременно. Никакого питерского сплина — здесь все куда-то бежали, жизнь кипела, а воздух был густым и сухим.

К пяти вечера Катька затащила меня в музей, где в стеклянном саркофаге, под специальной подсветкой, стоял Он.

Шигирский идол.

Огромный, темно-коричневый, испещрённый древними геометрическими резными узорами и личинами резной столб из лиственницы. На самом верху возвышалась плоская голова с вытесанным ликом — с пустыми, глубокими глазницами и узким, застывшим в вечном молчании ртом. От него веяло чем-то настолько древним и жёстким, что у меня на затылке моментально встали дыбом мелкие волоски.

Катя замороженно шептала рядом:

— Смотри, Кир... Он старше египетских пирамид. В нём силеша нереальная. Дух Уральских гор, хранитель недр. Попроси у него чего-нибудь. Только с уважением, с душой...

Я стояла перед стеклом. На мне была моя любимая белая майка в рубчик на тонких бретельках, короткая тканевая юбка и всё те же белые кроссовки. Из-за жары я распустила волосы, и они медовыми волнами падали на плечи.

Я посмотрела в пустые глазницы древнего идола. Вспомнила 15 часов на ногах. Вспомнила директора с её актом. Вспомнила Андрея, спершего чайник. Вспомнила свой заблокированный пластик. И вместо того, чтобы проникнуться благоговением, меня вдруг накрыла волна дерзкого, предельного питерского сарказма.

Я подошла вплотную к стеклу, наклонилась и тихо, так, чтобы слышал только деревянный истукан, ухмыльнулась:

— Ну привет, прадедушка. Одиннадцать тысяч лет стояния в болоте, а выглядишь почти как наш охранник в магазине после смены. Слушай, ты ж тут главный дух Урала, да? Так вот, если ты реально такой всемогущий, чё ж у вас дороги-то местами такие, а? Или ты тоже на минималке в смену выходишь?

Я лукаво прищурилась, прикусывая нижнюю губу, и задорно подмигнула резному лику:

— В общем, так. Если ты тут хоть что-то рулишь, сделай мне нормальный мужика в жизни, а не чайникового вора, и закрытый долг по кредитке. А то грош цена твоей одина-

дцатитысячелетней выдержке.

— Кира, ты совсем с дуба рухнула?! — ахнула рядом Катька, испуганно оглядываясь на смотрительницу музея. — С ума сошла, так с древними духами разговаривать?! Это же Урал, тут шутки плохи!

— Да ладно тебе, Кать, это просто деревяшка... — начала я с легким смешком.

И в этот самый миг прямо за стеклом что-то щелкнуло.

Звук был похож на хруст ломающегося под ногой сухого векового дерева, но отозвался он не в ушах, а прямо у меня в затылке.

Воздух в зале музея мгновенно стал тяжелым, густым и ледяным, как сухой лед. Лампочки подсветки над саркофагом замигали, затрещали и с оглушительным хлопотом гасли одна за другой, погружая помещение в полумрак.

— Кира... — пискнула Катя, хватая меня за локоть. Ее пальцы дрожали. — Что происходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.